

Моисеев Д.А., аспирант

Научный руководитель Поршнева О.С., проф., д-р ист. наук

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

В философии под понятием «повседневность» понимают термин социальной феноменологии А. Шютца и его последователей, введенный для обозначения одной из основных тем, разрабатываемых социальной феноменологией. Обращение к повседневности предполагает описание интерсубъективной интерпретации. Традиция тематизации повседневности восходит к реальности, значимой для людей своим качеством цельного мира и субъективно к феноменологии Э. Гуссерля, по мнению которого, основная цель социальных наук – выработка адекватного знания о социальной реальности (о совокупности объектов и явлений социокультурного мира, каким он предстает обыденному сознанию людей).

Используя некоторые идеи прагматизма и символического интеракционизма, А. Шютц развил программу Гуссерля в социологическую теорию, основанную на описании повседневного мышления. «Жизненный мир» для Шютца – это до- и вненаучный мир, предшествующий научно-теоретическому миру, который представляет собой его «опредмечивание». Именно в жизненном мире сокрыты очевидности, обеспечивающие доступ к реальности. Следовательно, обыденный человек, погруженный в жизненный мир и непосредственно переживающий его, обладает бесконечными преимуществами перед человеком науки. Жизненный мир – мир, складывающийся из интерсубъективных отношений между людьми, где, в ходе непосредственных контактов между индивидами, вырабатываются лично окрашенные значения, которыми наделяются социальные процессы. В то же время, в качестве донаучного, жизненный мир представляет собой мир естественной установки – «наивную» точку зрения находящегося в конкретной ситуации «я».

Прототипом социального взаимодействия в повседневной жизни является ситуация «лицом к лицу», в которой я конституирую другого как конституирующего меня самого в тот же самый момент. Это теоретически невозможное восприятие опыта другого сознания достижимо в повседневности фактически, поскольку диалект повседневности – язык «имен, вещей, событий» – позволяет достичь слияния перспектив или совпадения систем релевантностей. Хотя «здесь» моего тела отличается от «там» другого, а живое настоящее моего и его «сейчас» совпадают не вполне, система релевантностей, преобладающая в лингвистической «мы-группе», позволяет произвести типизацию и обобщение, необходимую для того, чтобы рассматривать точки зрения обоих партнеров как взаимозаменяемые. Такая пространственно-временная общность достижима оттого, что повседневность как реальность равно доступна обоим партнерам и содержит равно интересные (релевантные) для них объекты. Следуя Гуссерлю, Шютц отмечает, что для повседневности характерны идеализации («и так дальше» и «я могу это снова»), предполагающие бесконечную повторяемость как объектов, так и направленных на них действий субъекта. Перенос внимания с

типики личности на типичу действий приводит к возрастанию анонимности повседневных ситуаций, системы типизации которых остаются, однако, элементами повседневной жизни. Как в ситуации «лицом к лицу», так и в более пространственных ситуациях повседневности происходит обмен экспрессивностями, предполагающий отсутствие саморефлексии, когда «я» воспринимается лишь в «зеркале» другого.

А. Шютц выделяет несколько характерных для повседневности черт:

1) бодрствующее, напряженное внимание к жизни позволяет говорить о повседневности как о реальности *par excellence*, как о самоочевидной и непреодолимой фактичности;

2) повседневность предполагает воздержание от всяких сомнений в существовании мира;

3) в повседневности преобладает трудовая деятельность;

4) в повседневности, при отсутствии саморефлексии, «я» – всегда целостное, нефрагментированное;

5) мир повседневности – интерсубъективно структурированный, т.е. типизированный;

6) время повседневности – это стандартное время, понимаемое как пересечение космического времени, временных циклов природы и внутреннего времени.

На уровне социальной реальности мир переживается человеком в терминах типического. Жизненный мир состоит из рутинных действий, языковых конструкций, посредством которых люди категоризируют повседневный опыт и сообщают о нем. Это знание Шютц называет знанием первого порядка. Такое знание о мире представляет собой набор типических конструкторов, которые направляют и предопределяют понятность социальных ситуаций. Объекты и явления на этом уровне воспринимаются в терминах их типических характеристик, т.е. характеристик, общих для всей совокупности объектов данной категории. По Шютцу – повседневный мир – это по необходимости интерсубъективный мир, и только это делает возможной осмысленную коммуникацию. Человек вступает в мир, содержащий некую совокупность разделенного всеми индивидами знания, и, усваивая уже установленные значения, он начинает участвовать в социальном мире. Социальные действия осуществляются посредством значений первого порядка.

Задача социальной теории состоит в том, чтобы сделать возможным вторичное описание той или иной области социальной жизни. Благодаря знанию второго порядка теоретик интерпретирует и понимает осознанные на уровне здравого смысла структуры жизненного мира. Обоснованность интерпретации зависит от того, насколько правдоподобно конструкции второго порядка воспроизводят сущностные процессы конституирования значений, из которых складываются анализируемые социальные действия. Шютц настаивает на том, что объективная интерпретация структур значений предполагает согласованность мыслительных категорий второго порядка с обыденными конструкциями. Обоснованность достигается в том случае, если обеспечивается преемственность и совместимость социальных объяснений и обыденных интерпретаций,

выдвигаемых самими участниками. Это предполагает, во-первых, соотнесение конструкций второго порядка со значениями первого порядка, во-вторых, создание преамбулы по отношению к обыденному опыту индивидов, в-третьих, обратный перевод конструкций второго порядка на язык самих участников, осмысливающих собственную деятельность. С этой точки зрения непосредственным объектом любого социального исследования являются значения, которыми индивиды наделяют явления повседневной жизни. Исследование начинается с непосредственного опыта конкретного переживания, способствуя тем самым устранению разрыва между теорией и эмпирическими исследованиями, что предполагает отказ от методологии, ориентирующейся на выдвижение абстрактных теоретических моделей или гипотез. Исходя из этого внимание социологов должно быть направлено на изучение социальных явлений самих по себе, описание самоочевидных и несомненных для индивидов интерес-субъективных феноменов и выяснение того, каким образом эти феноменальные данности конструируются. Процессы, в ходе которых конкретные переживания и значения трансформируются во вторичные конструируемые, называются «идеализацией» и «формализацией».

«Принять установку научно-теоретического наблюдения жизненного мира – значит, не считать более себя и свои интересы центром этого мира, а найти другие точки отсчета для ориентирования по отношению к явлениям», – одно из основных положений теории Шютца. Знание жизненного мира строится на непосредственном понимании, которое основывается на двух принципиальных допущениях о восприятии человеком окружающего мира. Эти допущения представляют собой принимаемые как нечто само собой разумеющиеся правила социальной жизни. Первое заключается во «взаимодополнительности перспектив»: для того чтобы люди одинаково воспринимали окружающий мир, они должны уметь встать на точку зрения других и понять друг друга. Данное правило исходит из представления, что поток социальных явлений имеет одно и то же содержание для всех индивидов. Второе правило заключается в «конгруэнтности релевантности» и предполагает, что интерпретация социальных явлений индивидами совпадают. Общий для индивидов жизненный мир интерпретируется практически одинаковым образом. Одновременность нашего восприятия друг друга в «живом настоящем» означает, что я в некотором смысле знаю о другом в данный момент больше, чем он знает о себе самом, поскольку другого я воспринимаю в живом настоящем, а самого себя я схватываю лишь ретрофлексивно; и точно так же другой знает обо мне больше, чем каждый из нас знает о своем собственном потоке сознания.

Постулат А. Шютца о том, что жизненный мир задает правила интерпретации социальных явлений, обусловил возникновение тенденции использовать в социальной философии феномен языка и технику его анализа (как структуры, которая бы, с одной стороны, не оставалась жестко неизменной, а, с другой, в своей пластичности содержала бы некоторые устойчивые нормы описания поведения). Эта тенденция во многом проявилась в исследованиях «философов обыденного языка» (Л. Витгенштейна, Дж. Остина и их последователей), а также «школы Анналов». Л. Витгенштейн заметил, что поведение дрессированных

животных отличается от социально ориентированных действий человека тем, что последние коммуникативны по своей природе, правила и нормы этой коммуникации действуют иначе, чем законы природы, которые нельзя нарушить, ибо они основаны на intersубъективности. Языковые правила устанавливаются в контексте жизненного мира, и эта связь языка с формами жизни является основополагающей для семиотического варианта «понимающей социологии». Органичная связь языка с социальными институтами раскрывается в понятии «языковой игры». Витгенштейн определял ее так: «Язык и деятельность, которая с ним сплетена, называется языковой игрой». Этим существенно расширяется горизонт понимания, которое не ограничивается пониманием значения понятий, а включает волевые, эмоциональные компоненты. Консенсус совместной деятельности образует основу единства символов, и таким образом реконструкция правил употребления языка приводит к основаниям жизненных практик.

Следует отметить, что данная программа, взятая в отдельности, не дает достаточно адекватного понимания повседневного мира жизни. Повседневность, по мнению современного философа Б.В. Маркова, – не теория и не трансцендентальная аналитика жизненного мира, но это и не обыденные знания, мнения, традиции, нормы. Повседневность – это ткань человеческих взаимодействий, каждое из которых в отдельности рационально, т.е. запланировано индивидами, но в совокупности своей образует такую структуру и порядок, который никем не планировался и не предусматривался. Разум и чувство выступают сторонами этого повседневного взаимодействия.

Ученики Шютца П. – Бергер и Т. Лукман – осуществили проект феноменологической социологии знания, выдвинутый М. Шелером, рассмотрев процесс создания социальных теорий как продолжение процесса конструирования социальной реальности, начиная с социального взаимодействия в повседневных ситуациях. Ими было отмечено, что обыденное сознание содержит много до- и квазинаучных интерпретаций повседневной жизни, которые считаются само собой разумеющимися. Поэтому при описании повседневной реальности прежде всего следует обратиться именно к этим интерпретациям, учитывая их само собой разумеющийся характер. Детальный феноменологический анализ помогает вскрыть различные пласты жизненного опыта и различные смысловые структуры, которые формируются на основе этого опыта, порождая особые стереотипы и представления.

Среди множества реальностей, отмечают П. Бергер и Т. Лукман, существует одна, представляющая собой реальность *par excellence* – реальность повседневной жизни. Напряженность сознания в ней наиболее высока, т.е. жизнь накладывается на сознание наиболее сильно. Невозможно не заметить и трудно ослабить ее властное присутствие. Человек воспринимает повседневную жизнь в состоянии бодрствования, и это состояние вместе с восприятием повседневной жизни принимается как нормальное и самоочевидное, т.е. составляет естественную установку индивида.

«Реальность повседневной жизни организуется вокруг «здесь» моего тела и «сейчас» моего настоящего времени. Это «здесь-и-сейчас» – фокус моего

внимания к реальности повседневной жизни. В том, как это «здесь-и-сейчас» дано мне в повседневной жизни, заключается реальность моего сознания». Однако данная реальность охватывает и те феномены, которые не даны «здесь-и-сейчас». «Ближайшей ко мне является та зона повседневной жизни, которая непосредственно доступна моей физической манипуляции. Эта зона включает мир, находящийся в пределах моей досягаемости, мир, в котором я действую так, чтобы видоизменить его реальность, или мир, в котором я работаю. В этом мире труда мое сознание руководствуется прагматическим мотивом, т.е. мое внимание к этому миру определяется главным образом тем, что я делаю, делал или собираюсь делать в нем. Так что это мой мир *par excellence*».

Безусловно, реальность повседневной жизни одного человека тесно связана с другими людьми. И их представления не только отличаются, но могут противоречить друг другу. Но очень важно то, что существует постоянное соответствие между значениями, которые даются разными людьми в этом мире, т.е. есть общее понимание этой реальности. Естественная установка именно поэтому и является установкой повседневного сознания, что связана с миром, общим для многих людей. Повседневное знание – это знание, которое люди разделяют в привычной самоочевидной обыденности повседневной жизни.

Интересна точка зрения Б. Вальденфельса, который соглашается с положениями, сформулированными Н. Элиасом, недооценка которых влечет за собой отрицательные последствия для исследования повседневности. Во-первых, нельзя превращать повседневную жизнь в универсальную категорию, под которую подводятся совершенно различные категории населения разных стран в разное время. Во-вторых, не следует обыденную жизнь представлять в качестве особой автономной сферы, отделенной от общества с его структурами власти. Обыденную жизнь можно тематизировать различными способами. Вальденфельс за исходную точку берет проблему специфичной рациональности обыденной жизни. Рациональность он понимает в широком смысле слова как то, что воплощается в смысловые, правильные, регулярно повторяющиеся, рationally-прозрачные взаимосвязи, которые существуют в различных полях и стилях рациональности. Автор рассматривает повседневное не только как привычное, упорядоченное, близкое, но и как дилетантское, импровизированное, смутное, а мир повседневности – ограниченный, замкнутый в себе самом. Таким образом, повседневность теряет свою ценность? Нет, вернее, можно возродить ценность повседневного, если рассматривать ее как процесс, в котором происходит формирование и организация человека и общества. Данный процесс Макс Вебер назвал «оповседневнивание». Сюда относится процесс обживания, который принимает формы обучения, освоения традиций и закрепления норм. В этом процессе повседневность выступает в качестве сферы, где собираются и хранятся своего рода смысловые осадки. В конечном счете, оповседневнивание затрагивает все сферы, включая науку, искусство, религию. Повседневность существует как место образования смысла, открытия правил. В итоге повседневность, в которой смешиваются элементы разных смысловых сфер, Вальденфельс назвал «плавильным тиглем рациональности».

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что складывается ситуация, когда социальная философия оказывается не «над» повседневностью и не «внутри» научного познания, а между тем и другим. Возникают задачи «на введение» опыта повседневности в социальные науки и придание им человеческого, индивидуального смысла и задачи «на введение» опыта научного обществознания в описание структур повседневности, соответственно, в практику взаимодействия разных типов социальности.

Развитие социальной философии и обществознания в XX веке проходило в соперничестве двух методологий: первой, считавшей что «люди не ведают, что творят» (значит, нужен отстраненный, объективный анализ), и второй, утверждавшей, что понимание социальности надо строить из понятий и схем, с помощью которых люди сами воссоздают и изменяют свое повседневное бытие. В этом соперничестве победитель так и не определился. Многомерность социального бытия оказалась не сводимой ни к объектным структурам и овеществленным формам человеческого опыта, ни к непосредственным («лицом к лицу») контактам индивидов. Преобладание любой из этих методологий приводило к ощутимым потерям: в одном случае на периферии анализа оставались живая энергия и деятельные качества людей, воспроизводящие социальный мир, в другом – совокупность опосредованных связей и разделенных форм человеческой деятельности, обеспечивающих сложную динамику современного социального пространства.

Главный, пожалуй, результат этого соперничества состоит в осознании нелинейной взаимозависимости разных методологий, в осмыслении необходимости связывания разных позиций и точек зрения соответственно контурам общих проблем. Важно более конкретно представить многообразие человеческого бытия в формах социальной философии, поискать соразмерность разных жизненных миров.